

18. Теории аграрной политики

18.1. Позитивные теории аграрной защиты

Теоретические основы аграрной политики развиваются в двух направлениях. Первое представлено позитивными теориями, которые призваны объяснить, почему реализуется та или иная экономическая политика и какая политика будет проводиться в будущем. Второе направление связано с нормативным подходом, в рамках которого пытаются определить, когда и как правительство должно вмешиваться в рыночные механизмы распределения ресурсов, доходов и богатства и каковы последствия такого вмешательства. Разработка эффективной аграрной политики предполагает учет обоих научных направлений.

18.1.1. Основы позитивного анализа экономической политики

Позитивный анализ экономической политики основывается на понимании того, что политический выбор в экономике определяется усилиями групп давления, политиков, политических партий, индивидуумов, администраторов-исполнителей, преследующих собственные интересы. Этот анализ подвергает сомнению характерный для нормативного подхода взгляд на правительство как всезнающее и радующее только об общественных интересах. В его рамках анализируются причины расхождения между рецептами, предлагаемыми экономической наукой, и практическими экономическими результатами деятельности органов государственной власти. Вместо проблемы неудач рынка на первый план выдвигается проблема неудач правительства при осуществлении им микроэкономического регулирования. Для понимания причин этих неудач, считает чешский экономист и политик В. Клаус, вместо нормативной теории планирования необходимо создать позитивную теорию поведения плановика. Опыт долголетней практики социалистического планирования вызывает сомнения в целесообразности существования плановика как такового, его гипотетической «коллективной» рациональности, нейтральности интересов, полной информированности (Клаус, 1995, 11 — 12).

Значительное методологическое влияние на позитивный анализ экономической политики оказали работы Э. Даунса, Дж. Бьюкенена, Г. Таллока, М. Ольсона (Downs, 1957; Buchanan, Tullock, 1962; Olson, 1965). Э. Даунсом выдвинуты две гипотезы, которые в той или иной степени были использованы позднее многими авторами. Первая утверждает, что граждане ведут себя в политике рационально, т. е. преследуют прежде всего личную выгоду. Вторая гипотеза Э. Даунса: политики (и политические партии) создают свои политические программы с целью максимизировать голоса избирателей, видят в них только средство остаться у власти или прийти к власти. Предположение личной выгоды в политике не принимается Э. Даунсом как постулат применительно к любому конкретному человеку и в каждом случае. Он допускает, что у некоторых политиков, администраторов или избирателей в какие-то периоды могут проявиться альтруистские побуждения, но только как исключение из правила. На основе данных гипотез Э. Даунс обосновывает ряд предположений о воздействии партий и индивидуумов на экономическую политику. Это сделало возможным моделирование взаимодействия избирателей, политиков и политических партий в политическом процессе принятия экономических решений.

Теория общественного выбора Дж. Бьюкенена и Г. Таллока основывается на трех важнейших методологических положениях. Во-первых, ее авторы согласны с Даунсом, что индивидуумы в любой политической роли ведут себя рационально. Во-вторых, Бьюкенен и Таллок отрицают существование коллективной рациональности. Ни законодательные, ни исполнительные органы власти не являются сориентированными только на одну цель — заботу об общественном благополучии. Депутаты

представительных органов власти или администраторы заинтересованы в общественном благополучии в той же степени, как и избиратели, и не более. И в-третьих, политика есть сложная система обмена между индивидуумами, стремящимися к достижению своих частных целей, которые не могут быть реализованы путем обычного рыночного обмена (Бьюкенен, 1990, 11 – 12). Индивидуумы согласны подчиняться принуждению со стороны государства, только если конечные результаты политического “обмена” соответствуют их интересам. Но обычно государство имеет тенденцию переходить приемлемые для индивидуумов рамки своего вмешательства в экономику. Как добиться, чтобы политический обмен приносил только выгоду всем и каждому? Дж. Бьюкенен дает ответ на этот вопрос с позиций разработанной им теории конституционного контракта (Бьюкенен, 1994).

Дж. Бьюкенен и Г. Таллок обратили также внимание на более высокую эффективность коллективных действий объединенных в коалиции производителей в лоббировании своих интересов в отличие от индивидуальных действий обособленных товаропроизводителей. М. Ольсон в дальнейшем развил теорию коллективного действия, связав эффективность последнего прежде всего с затратами по организации групп давления.

Обозначенные методологические подходы лежат в основе разнообразных моделей государственного регулирования экономики.

В *моделях голосования* согласование различных интересов определяется прежде всего типом политической системы. При диктатуре доминируют предпочтения диктатора. В условиях демократической политической системы решающим становится процесс голосования. При этом имеет большое значение, существует ли прямая или представительная демократия. В условиях прямой демократии, когда решения принимаются большинством голосов избирателей, предпочтения медианного участника голосования являются определяющими. Модель с медианным избирателем широко применяется как в теоретических, так и в эмпирических исследованиях.

В условиях представительной демократии нужно учитывать мотивы и поведение участников голосования, партий и законодателей. Модели голосования трактуют политиков (политические партии) как активно ищущих избрания (переизбрания), формирующих правительственную политику в обмен на политическую поддержку избирателей. Среди факторов, которые могут быть отмечены как особо важные, — издержки на получение информации и интересы политических партий в предоставлении подобной информации. Суть проблемы в том, что для избирателей является более рациональным не информировать себя по многим пунктам (гипотеза Э. Даунса о неведении рациональных избирателей), так как издержки сбора информации зачастую перевешивают доходы от ее получения. С этим связано появление важного канала влияния политических партий на избирателей.

Поведение бюрократии, на которую обычно возлагается исполнение законодательства, явилось предметом научных изысканий В. Нискейна, А. Бретона и др. экономистов (Niskanen, 1971; Breton, 1974). *Бюрократические модели* придают особое значение ограниченному контролю избирателей над многими аспектами процесса принятия экономических решений и целям тех, кто осуществляет государственную политику. Индивидуумы в любой политической роли действуют в соответствии с собственными интересами. В чем интересы бюрократии? В. Нискейн, например, считает, что бюрократы стремятся увеличить размер своего ведомства. Они заинтересованы в зарплате, привилегиях, благоприятном общественном мнении, покровительстве, которые определены прежде всего с размером ведомства. Бюрократы стремятся увеличить деятельность своей организации теми же способами, что и частные фирмы. Они конкурируют между собой за

выделяемые государственные средства. Вместе с тем существует тенденция к все большей централизации внутри бюрократии. Это связано со стремлением “рационализировать” бюрократию, обеспечить, чтобы два государственных ведомства не выполняли дублирующих функций. В результате сокращается “бюрократическая” конкуренция, и интересы бюрократии и общества значительно расходятся. Стремление бюрократов увеличить размер своего бюджета дает объяснение многим аспектам бюрократического поведения. Но имеются и иные существенные факторы мотивации деятельности бюрократии, например, фактор нерасположенности к риску, особенно в инновационных вопросах.

В последние три десятилетия усилиями М. Ольсона, Дж. Стиглера, Р. Познера, С. Пельцмана, Г. Беккера разработаны *модели групп давления* (Olson, 1965; Stigler, 1971; Posner, 1974; Peltzman, 1976; Becker, 1983; 1985).

Политикам, политическим партиям и избирателям уделяется в этих моделях мало внимания. Существуют, по крайней мере, три механизма, через которые группы со специальными интересами могут реализоваться. Во-первых, группы со специальными интересами могут снизить издержки голосования и приобретения информации, особенно для тех избирателей, которые, вероятнее всего, их поддержат, сделать для них информацию более доступной. Во-вторых, группы со специфическими интересами, обладая монополией на информацию, именно через обеспечение информацией политиков реализуют свое влияние. Третий механизм заключается в том, что группы давления обеспечивают поддержку в финансовой и иных формах тех политиков, которые представляют их интересы.

Следуя теории М. Ольсона о коллективном действии, модели групп давления значительный акцент делают на организационных издержках и «эффекте безбилетников». Последний характеризуется тем, что отдельные члены группы давления не имеют стимула вкладывать средства в поддержку своей группы, но хотят получать блага от ее лоббистской деятельности. Характерной особенностью этих моделей является использование функции влияния для того, чтобы представить предложение правительственной политики как реакцию на групповое давление.

Г. Беккер создал теорию конкуренции групп давления за политическое влияние. Он полагает, что влияние каждой группы зависит от производимого ею расходования ресурсов, от давления других групп и от внешней политико-институциональной структуры. Отдельные модели разработаны для групп, которые делают вклады в политические кампании с целью увеличения вероятности выбора поддерживаемого политика (Hillman, 1988; Coughlin, Mueller, Murrell, 1989) или анализируют взаимодействие между правительством и группами давления посредством влияния через предоставление информации (Potters, Winder, 1990).

К моделям групп давления можно отнести и марксистскую теорию государства. Классики марксизма возникновение государства связывали с расколом общества на непримиримо враждебные классы. Они считали, что государство — это орган господства одного класса над другим, соответственно, баланс сил между классами в обществе, а также внутриклассовые конфликты определяют уровень и направленность государственного вмешательства в экономику.

Несомненный способ проверки обоснованности представленных подходов отсутствует. Но есть достаточные основания полагать, что и группы давления, и избиратели, и политики, и бюрократы оказывают значительное влияние на политический процесс принятия экономических решений. Поэтому необходимо анализировать все стороны политического процесса, в рамках которого происходит согласование интересов избирателей, бюрократов, политиков (политических партий) и групп давления.

18.1.2. Позитивные теории государственного регулирования сельского хозяйства

Пионером в изучении аграрной политики является так называемый этноцентрический подход, разработанный в американской экономической литературе (Paarlberg, 1989, 1157–1158). Его авторы утверждали, что протекционистские тенденции в американской сельскохозяйственной политике специфичны и нуждаются в особенном американском объяснении. В основе этого подхода лежит идея об уникальности американской культуры, истории и институционального устройства.

Например, с конституционно закрепленным разделением властей связывались значительные возможности для фермерских хозяйств через аграрное лобби воздействовать на политический процесс. Утверждалось также, что американская политика сельскохозяйственного протекционизма вызвана отличиями национальной американской идеологии и, прежде всего, незыблемой верой американцев в уникальную значимость семейных фермерских хозяйств.

Если бы Соединенные Штаты были единственной страной в мире, оказывающей государственную поддержку своим фермерам, этноцентрическая теория, несмотря на ее наивность, могла бы представляться сколь либо убедительной. Но государственное регулирование сельского хозяйства с целью защиты сельскохозяйственных товаропроизводителей характерно почти для всех развитых стран. Существует общая тенденция (не связанная с культурными, историческими, географическими или другими особенностями отдельных стран) к дискриминации сельскохозяйственных товаропроизводителей в развивающихся странах и к их поддержке в промышленно-развитых. Различия в подходах к объяснению данной тенденции отличают существующие позитивные теории аграрной политики.

Из современных исследователей аграрной политики влияние М. Ольсона с его *теорией групп давления* является наиболее ощутимым. Хотя большинство его работ носит общий характер, М. Ольсон активно участвует в дискуссиях о причинах аграрного протекционизма в развитых странах (Olson, 1985; 1990).

Он доказывает, что политический поворот от дискриминации к поддержке сельского хозяйства в ходе экономического развития многих стран объясняется прежде всего уменьшением проблем организации коллективных действий фермеров и, соответственно, снижением организационных издержек и более успешным решением так называемой проблемы “безбилетников”. Это определено сокращением числа фермеров, что делает их политическую организацию более эффективной в сравнении с организацией рассредоточенных и разобщенных многочисленных потребителей или промышленных товаропроизводителей. В дополнение, по мере развития транспорта и коммуникационной инфраструктуры в сельской местности, а также системы образования увеличивается эффективность усилий по организации фермеров и уменьшается сложность коллективного действия в сельских районах.

Б. Гарднер эмпирически попытался доказать гипотезы М. Ольсона, используя данные программ ценовой поддержки сельского хозяйства в США, начиная с 30-х годов. Он солидарен с М. Ольсоном в том, что политическая сила производителей различных товаров определяется в значительной степени издержками по их организации, решением проблемы “безбилетников” и силой оппозиции. Показателями таких издержек являются число производителей товара, их географическая рассредоточенность, важность товара в формировании дохода производителя и др. Эмпирический анализ Б. Гарднера подтверждает гипотезы М. Ольсона и Г. Беккера, что издержки производителей по выработке политического давления, а также чистые общественные издержки, связанные с перераспределением дохода, являются наиболее важными факторами в объяснении государственной интервенции на сельскохозяйственных рынках США (Gardner, 1987; 1989).

Подход М. Ольсона и Б. Гарднера, обосновывающий прежде всего обратную зависимость между издержками организации и политической силой различных групп давления при определении аграрной политики, подвергается критике в трех направлениях. Во-первых, за игнорирование роли политиков в формировании аграрной политики. Во-вторых, за существующее якобы несоответствие между теоретическими положениями и эмпирическими данными. И, в-третьих, некоторые авторы считают, что сдвиги в аграрном протекционизме определяются не только (и даже не столько) изменениями в организационных издержках, но и многими другими факторами (Swinner, 1994; Swinner, Van der Zee, 1993; Lee, 1989; Paarlberg, 1989).

Преодоление первого “недостатка” связано с попытками отдельных авторов соединить взгляды М. Ольсона на формирование групп давления с моделями взаимодействия политиков и избирателей, в которых политики максимизируют целевую функцию политической поддержки, а избиратели — функцию индивидуального благосостояния.

Второе направление: критики акцентирует внимание на одном из положений теории групп давления — большой размер группы снижает эффективность ее деятельности. Это, по мнению некоторых авторов, не соответствует эмпирическим фактам, когда большие сельскохозяйственные группы являются более эффективными при обеспечении защиты, нежели маленькие группы. Наличие подобных фактов (например, феномен Великобритании, имеющей относительно небольшое количество фермерских хозяйств и низкий уровень их государственной поддержки) не отрицается сторонниками модели групп давления. Они объясняют их действием ряда взаимосвязанных факторов (среди которых фактор числа членов групп хотя и важен, но не является единственным), влияющих на эффективность групп давления.

Если большие группы давления смогут безболезненно решить проблему “безбилетников”, они будут более эффективными, поскольку большая группа имеет больше голосов и других лоббистских ресурсов. Можно говорить об оптимальном размере группы, достаточно большом, чтобы быть политически эффективным, и все же достаточно маленьком, чтобы контролировать дисциплину и “безбилетников”. К сожалению, не имеется никакого прямого пути определения того, каков этот оптимальный размер, так как некоторые группы более легко могут решить проблему “безбилетников”, чем другие. Непреодолимые пока трудности в определении оптимального размера группы давления делают невозможной проверку теорий групп давления (как, впрочем, и других позитивных теорий экономической политики). Эти теории есть не более, считает Р. Познер, чем принцип к анализу процесса организации групп давления и повышению их эффективности, набор критериев, позволяющих предсказать, получит ли сельское хозяйство благоприятное законодательство или нет (Posner, 1974).

Третье направление критики М. Ольсона связано с исследованиями взаимосвязанных экономических факторов, обуславливающих изменения в направлениях и степени государственного регулирования сельского хозяйства (в рамках моделей групп давления).

Ряд экономистов связывает сдвиги в государственной политике защиты от промышленности к сельскому хозяйству с изменениями в сравнительных преимуществах: по мере развития процессов индустриализации и урбанизации сельское хозяйство постепенно теряет сравнительные преимущества, и фокус общественной политики защиты неизбежно перемещается от промышленности к сельскому хозяйству. Эконометрический анализ К. Андерсона, Й. Хайями, М. Хонмы, основанный на данных 15 промышленных стран за период 1955 — 80 гг., призван доказать эту гипотезу. Данный подход позволяет, по мнению его авторов, предсказать с некоторой точностью средний уровень государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей и различия в степени защиты производителей различных видов

сельскохозяйственной продукции. Кроме того, они раскрыли политический механизм, лежащий в основе этих экономических процессов (Anderson, Hayami, 1986; Honma, Hayami, 1986).

Фермеры в промышленно развитых странах имеют мотивацию и способность организовываться для эффективного политического действия, поскольку производительность труда в промышленности быстро растет, и сельскохозяйственный сектор теряет свои сравнительные преимущества относительно промышленности. Многие из тех, кто работает на фермах, будут испытывать относительное снижение дохода. Это заставляет фермеров активно искать средства и мотивацию для эффективной защиты, в то время как городские потребители и налогоплательщики, которые теряют, ищут средства и мотивацию сопротивляться этим требованиям. Но мотивация последних является ослабленной, поскольку они становятся все более многочисленными и относительно более богатыми. Общая налоговая тяжесть, ассоциирующаяся с субсидиями фермерам, ослабляется, поскольку в индустриальных странах общее число фермеров, получающих субсидии, все время уменьшается. Сопротивление городских жителей из-за их многочисленности требованиям фермеров о выделении субсидий будет также ослаблено в соответствии с логикой коллективного действия.

В свою очередь, спрос на сельскохозяйственную защиту в развивающихся странах является слабым, т. е. доходы от лоббирования более высоких цен незначительны, поскольку относительно малая доля производимой продукции функционирующих фермеров продается на рынке. Другие группы, заинтересованные в лоббировании сельскохозяйственного производства (например, промышленники, производящие средства производства для сельского хозяйства), просто не существуют. Факторы со стороны предложения также не благоприятствуют сельскохозяйственной защите. Более того, политика, которая уменьшает сельскохозяйственные цены, поощряет промышленную деятельность (посредством влияния низких цен на продовольствие на уровень заработной платы, за счет снижения издержек на питание в городских районах, через ограничение издержек на промышленную рабочую силу в результате снижения спроса на труд в сельской местности и т. п.).

Андерсон, Хонма и Хайяма пытаются формализовать эти аргументы с помощью модели общего равновесия. Они анализируют, как структурные особенности индустриально развитых и развивающихся стран (которые характеризуются долей сельского хозяйства в общем объеме производимой продукции и занятости, особенностями потребительских систем, различиями в использовании приобретаемого сырья, спецификой внешнеэкономической политики, различиями в налоговых системах) влияют на доходы и убытки различных групп в трехсекторной четырехфакторной модели. Полученные результаты свидетельствуют о том, что по мере индустриального развития экономики правительство усиливает субсидирование сельского хозяйства и, соответственно, увеличивает налогообложение потребителей, поскольку в расчете на душу населения теряющие теряют меньше доходов, нежели получающие получают.

Различные аспекты использования моделей групп давления для объяснения природы аграрного протекционизма раскрыты в работах многих других авторов (Alston, Carter, 1991; Balisacan, Roumasset, 1987; Bullock, 1992; Carter, Faminow, Lyons, Peters, 1990; Miller, 1991).

Й. Свиннен, Г. де Гортер и другие авторы анализируют аграрную политику, основываясь на *модели взаимодействия избирателей и политических деятелей*. Они получают схожие (с моделью групп давления) результаты влияния экономического развития и сокращения сельского населения на уровень защиты сельского хозяйства (de Gorter, Tsur, 1991; Swinner, 1994). Так, утверждается, что важной детерминантой роста аграрной защиты является сравнительное уменьшение доходов фермеров относительно доходов товаропроизводителей в других отраслях экономики. Это определяет активность избирателей и политиков: позволяет политикам

увеличивать свою политическую поддержку, перераспределяя часть национального дохода через государственные трансферты фермерам (de Gorter, Tsur, 1991; Swinner, 1994; Swinner, Van Der Zee, 1993).

Указание на фактор относительного дохода на душу населения в объяснении уровня государственного вмешательства в аграрную экономику не уникально. Положение о том, что группы избирателей, которые испытывают снижение доходов относительно других секторов экономики, должны быть более успешны в обеспечении защиты, исследуется Дж. Стиглером и С. Пельцманом в экономической теории регулирования и позднее было сформулировано в несколько иной форме Г. Беккером. Последний доказывает, что когда чистые потери, связанные с перераспределением доходов, имеют тенденцию повышаться по мере роста размеров трансфертов, фермеры начинают терять политическое влияние, поскольку их относительные доходы начинают расти. Но при этом необходимо учитывать следующее. Во-первых, фактор относительного дохода не может объяснить уровень равновесной защиты внутри аграрного сектора. И во-вторых, пока группы, которые страдают от уменьшения дохода, имеют больший стимул требовать политическую защиту, они не имеют для этого необходимые средства. Эта проблема также анализируется в теории поиска ренты (Kueger, 1974).

Й. Свиннен объединяет модель взаимодействия избирателей и политиков с моделью общего равновесия для анализа влияния структурных изменений на уровень сельскохозяйственной защиты. Он показывает, что политическая значимость определена уровнями относительного благосостояния и что по мере уменьшения доходов в сельском хозяйстве по сравнению с другими отраслями экономики защита сельского хозяйства должна увеличиваться.

Ряд исследователей использует *модель бюрократии* в анализе политического процесса формирования аграрной политики (Moyer, Josling, 1990; Johnson, 1994; Messerlin, 1983). Р. Мессерлин считает, что исполнительная власть может быть в большей мере заинтересованной в проведении политики аграрного протекционизма, нежели избираемые населением законодатели. Поскольку благополучие бюрократов (администраторов-исполнителей) не связано непосредственно с результатами выборов, их целью является максимизация собственной власти и влияния, что выражается в стремлении увеличить размер бюджетных средств, получаемых их ведомством. Поэтому сельскохозяйственное министерство никак не заинтересовано в сокращении размеров сельскохозяйственного сектора и обычно пытается содействовать его росту относительно других секторов экономики, добиваясь установления и последующего развития системы государственной поддержки сельского хозяйства. При этом исполнители при принятии решений в значительной степени полагаются на информацию, поставляемую группами давления. Отсюда — перспектива, что сельскохозяйственные группы давления вместе с другими будут интегрированы в процесс принятия решений. А поскольку сельскохозяйственные группы давления организованы более эффективно, это приводит к соответствующим изменениям в правительстве и росту поддержки аграрного сектора.

Д. Макларен использует данный подход, чтобы исследовать специфику политического процесса выработки аграрной политики в ЕС и Австралии, в то время как Дж. Брукс с помощью этого подхода показывает, почему сельскохозяйственные группы более эффективны в лоббировании американской администрации (MacLaren, 1992; Brooks, 1996).

Л. Винтерс обращает внимание, что министерства сельского хозяйства увеличивают свое влияние по мере того, как экономическая и политическая власть переходит к наднациональным структурам. На примере Единой сельскохозяйственной политики в странах ЕС он показывает, каким образом министры сельского хозяйства каждой страны продвигают интересы собственных стран, используя для этого любые лазейки,

которые могут быть найдены в системе Единой аграрной политики. Отсюда, например, хронические излишки молока в странах ЕС, несмотря на существующие соглашения по квотам производства (Winters, 1987).

Между рассмотренными моделями групп давления, взаимодействия политиков и избирателей, бюрократии наблюдается значительная эквивалентность. Модель взаимодействия политиков и избирателей является, на наш взгляд, дополнением, а не заменой модели групп давления. Решения политических деятелей в этой модели отражают баланс политических давлений. Отличие состоит лишь в том, что политические агенты, которые предъявляют спрос на государственную интервенцию, — скорее избиратели, нежели организованные группы давления. Механизмы воздействия бюрократии на аграрную политику также опираются на зависимости, раскрытые в моделях групп давления и взаимодействия политиков и избирателей.

Позитивные теории государственного регулирования сельского хозяйства исключают саму возможность для правительства действовать не по принуждению участников политического процесса, а в ответ на собственные автономные общественно-политические предпочтения. Положение усугубляется развитием, по образному выражению Дж. Рауча, демосклероза — прогрессирующей потери способности правительства приспосабливаться к новой экономической ситуации (Batie, Schweikhardt, 1995, 1126 — 1127).

Группы давления, увеличиваясь в числе и повышая свою эффективность, по сути “закупоривают артерии” правительства. Первопричина этого — склонность этих групп развиваться и организовываться способами, наиболее совместимыми с институциональной структурой правительства. Будучи однажды установленными, правительственные программы трудноизменяемы. Фундаментальные изменения политики почти невозможны.

Сельскохозяйственная политика в США используется как основной пример для доказательства этого тезиса. Американское правительство слишком отзывчиво и слишком демократично. Оно все более поддается лоббистскому давлению. Конечный результат этого процесса — политический тупик, ограничивающий эффективность всех групп давления. Наступает паралич политического процесса. Группы давления уже не способны достигнуть желаемых целей, поскольку взаимно блокируют требования друг друга. Это означает, что набор возможных политических решений крайне ограничен демосклерозом, и экономисты должны признать увеличившееся число политических ограничений, с которыми сталкиваются политики (Browne, Schweikhardt, 1995).

Решение данной проблемы невозможно путем запрещения формирования и деятельности групп давления, ликвидации бюрократии (в веберовском смысле этого термина) и объявления вне закона конкуренции среди политиков за голоса избирателей. Дж. Бьюкенен обосновывает возможность уменьшения негативного воздействия политического процесса на экономическую политику прежде всего сведением к минимуму числа экономических решений, принимаемых правительством от имени общества. Последнее достижимо при переходе к экономике, организованной на рыночных принципах и реализации минимальной политики рыночной системы (Бьюкенен, 1990, 4). Вместе с тем представляется нереалистичной политическая возможность конституционного оформления принципа минимального вмешательства государства в экономику.

Более реалистичным в плане ограничения негативного влияния политического процесса на экономику представляется усиление влияния экономической науки на процесс выработки экономической политики.

Научный анализ политики — обязательная часть любого усилия, направленного на изменение политики. Результаты такого анализа, правда, зачастую субъективны (соответственно, неэффективны), поскольку могут обслуживать интересы определенных групп давления. Если объективный и эффективный с

позиций общества анализ возможен, то он, чтобы влиять на политику, должен основываться на следующих принципах:

1. Необходима объективная сравнительная оценка политических целей программ поддержки аграрного сектора. Цели должны рассматриваться всесторонне, во взаимосвязи друг с другом, а действия по их реализации – анализироваться в терминах затрат и выгод для сельского хозяйства и общества в целом. Такой анализ важен для политиков и администраторов-исполнителей, которые желают устранить причины неудач аграрной политики и установить общественно значимые приоритеты.

2. Научные исследования аграрных программ должны сосредоточиться на проблемах сектора в целом. В него необходимо вовлечь все аспекты проблемы, сделав акцент на наиболее существенных. Это увеличит значение информации, которую могут предоставить экономисты-исследователи, в сравнении с выборочно узкой информацией, предоставляемой группами давления.

3. Должны быть определены стандартные показатели эффективности программ, и все программы, действующие и предлагаемые, необходимо оценивать на основе таких стандартов.

4. Аналитические результаты необходимо представлять в ясном, но очень корректном в отношении к политикам виде. Важно не потерять доступ к политикам, их доверие, поскольку без такового экономист-аналитик не способен влиять на процесс выработки политики. Результаты исследований должны достигать тех учреждений, которые принимают политические решения. Эти результаты необходимо представить таким образом, чтобы политик увидел их полезность с точки зрения своих краткосрочных и долгосрочных политических интересов.

5. Анализ политики должен быть мультидисциплинарным и проводиться группами исследователей. Такие усилия могут обеспечить политиков всесторонней информацией, когда принятые на ее основе решения будут содействовать экономическому росту и общественному процветанию.

6. Финансирование таких исследований не должно носить ведомственного характера.

В качестве теоретической основы предлагаемого научного анализа политики выступает экономическая теория благосостояния.

18.2. Нормативные теории аграрной защиты

18.2.1. Экономическая теория благосостояния как методологическая основа обоснования и анализа аграрной политики

Нормативная экономическая теория благосостояния рассматривает критерии выбора между альтернативными вариантами экономической, в том числе и аграрной политики. Она, во-первых, определяет условия, при которых размещение и использование ресурсов может быть признано экономически эффективным. Во-вторых, в ее функции входит количественное измерение экономических последствий отклонений от этих условий, в том числе и в результате государственного вмешательства. В-третьих, задачей экономической теории благосостояния является оценка воздействия альтернативных изменений в экономической (аграрной) политике на уровень общественного благосостояния. В-четвертых, теория благосостояния может играть значительную роль при определении наиболее эффективного способа достижения заданной цели экономической политики (Баумоль, 1965, 276 — 277).

Ведущая роль, о чем было сказано выше, может принадлежать нормативной экономической теории и в ослаблении степени политической детерминированности деятельности правительства, поскольку она существенно может влиять на предпочтения избирателей, политических партий, законодательную и исполнительную власти. Для реализации этой возможности разработка экономической политики должна

основываться на понятных и приемлемых для избирателей и политиков критериях. И прежде всего речь идет о критерии эффективности распределения и использования ресурсов, обеспечивающей рост общественного благосостояния.

Конечно, использование критерия эффективности основывается на ценностном суждении, что эффективность более желательна, чем неэффективность. Более того, попытка определить с помощью данного критерия, как определенная экономическая политика влияет на экономику, наталкивается на неразрешенную проблему сопоставления благосостояния отдельных людей. Когда изменения в политике позитивно воздействуют на одних и негативно — на других, не существует приемлемого метода оценки конечного результата. Тем не менее экономисты должны акцентировать внимание на критерии эффективности и проблеме повышения общественного благосостояния.

Положение о том, что экономическая политика должна содействовать росту общественного благосостояния, мало у кого вызывает сомнение. Но в каких случаях экономическая политика будет содействовать росту общественного благосостояния? Должно ли государство вообще вмешиваться в функционирование экономики? Стандартное обоснование микроэкономического регулирования экономики в качестве отправной точки берет функционирование экономики при полном отсутствии такового, т.е. рассматривается гипотетическая ситуация совершенно конкурентной рыночной экономики. В каком смысле конкурентные рынки обеспечивают наивысшую эффективность как необходимую основу для достижения максимального общественного благосостояния? Один из способов ответа на данный вопрос заключается в определении некоторых условий, которые должны быть удовлетворены при оптимальном (эффективном) распределении ресурсов. Сформулировать эти условия позволяет предельный анализ.

Речь идет прежде всего об основных предельных условиях, или об условиях первого порядка, которые достаточно подробно анализируются в учебниках по микроэкономике. Все эти условия могут быть суммированы следующим образом: объективные и субъективные предельные нормы замещения между любыми двумя благами (факторами производства или продуктами) должны быть равны для всех домашних хозяйств и всех производственных единиц, и эти объективные и субъективные соотношения должны равняться друг другу. Кроме выполнения этих условий первого порядка, необходимо выполнение условий второго порядка, “условий убывающей отдачи”. Но даже когда условия и первого, и второго порядка выполняются, нельзя быть уверенным, что достигнуто максимальное благосостояние. Для того чтобы благосостояние было максимальным, должны выполняться так называемые суммарные условия: должно быть невозможно увеличить сумму излишков у производителей и потребителей путем начала производства нового продукта или изъятия старого (Блауг, 1994, 546 — 547).

Экономическое благосостояние будет максимальным при одновременном выполнении предельных условий, условий второго порядка и суммарных условий. И именно совершенная конкуренция ведет к установлению оптимального (эффективного) распределения ресурсов, поскольку она соответствует всем перечисленным выше требованиям. Достигается эффективность по Парето (или оптимум по Парето).

Но рыночное равновесие не всегда экономически эффективно. Экономисты утверждают, что существуют факторы, ведущие к недостаточно эффективному рыночному равновесию. Установление условий неэффективности и обоснование направлений корректирующего вмешательства государства — задача экономической теории благосостояния.

Несостоятельность конкурентных рынков как основной мотив деятельности государства связана с обстоятельствами, при которых рынок неэффективен по Парето. Во-первых, имеется в виду несостоятельность

конкуренции в силу существования монопольной власти. Во-вторых, рыночная экономика не может обеспечить в эффективном количестве производство так называемых общественных благ. В-третьих, нерациональное использование ресурсов в обществе может быть обусловлено существованием так называемых положительных и отрицательных внешних эффектов (экстерналий), когда возникают расхождения между частными и общественными издержками и доходами. В-четвертых, когда рынок не в состоянии обеспечить производство какого-либо товара, даже если издержки при этом меньше, чем цена, которую готовы заплатить потребители, мы имеем дело с несовершенством рынка, связанным с существованием неполных рынков. В-пятых, частные рынки не могут в полной мере обеспечить потребителей и производителей необходимой информацией. Эти и другие несовершенства рынка тесно взаимосвязаны и переплетаются, дополняя друг друга.

И даже если экономика находится в состоянии эффективности по Парето, имеется важный аргумент в пользу государственного вмешательства. Он связан с необходимостью перераспределения доходов. Ведь конкурентные рынки зачастую могут породить очень неравномерное распределение доходов. Нет оснований считать, что конкурентная экономика способна самостоятельно достигнуть социально наилучшую Парето — эффективную точку.

Но пока экономист не знает, каковы могут быть последствия той или иной экономической политики, он не в состоянии вообще что-либо рекомендовать. Встает вопрос о критерии оценки благосостояния. Однако любая попытка создания универсального для любых ситуаций критерия для выяснения того, какое изменение экономической политики приводит к улучшению экономики, терпит неудачу, поскольку уровни благосостояния отдельных индивидов количественно несоизмеримы. Тем не менее экономическая наука выработала ряд критериев с целью проверки, улучшает ли предложенное изменение экономической политики.

Критерий Парето формулируется обычно следующим образом: любое изменение, которое никому не приносит убытков, а отдельным индивидам приносит пользу (естественно, по их собственной субъективной оценке), является улучшением. При этом, чтобы избежать межличностных сравнений полезности, Парето предлагает не оценивать все другие изменения в благосостоянии. Поэтому у него отсутствует понятие единственного общественного оптимума и предполагается бесконечное множество несопоставимых между собою оптимумов. Критерий Парето неприемлем для оценки рекомендаций, которые приносят выгоду одним и убытки другим.

Критерий Н. и Дж. Хикса позволяет несколько расширить возможности для оценки тех или иных вариантов экономической политики, благодаря введению понятия компенсационного платежа. Утверждается, что экономическая политика содействует росту общественного благосостояния, если те, кто выигрывает от ее реализации, субъективно оценивают свои дополнительные доходы выше величины, которую потерпевшие субъективно относят к своим убыткам. Данный критерий не требует реальной компенсации убытков определенных лиц. Просто необходимо, чтобы индивид, получающий дополнительный доход, был способен потенциально осуществить такую компенсацию за свой счет.

Т. Ситовски обнаружил, что когда переход из одного положения экономики к другому означает улучшение в соответствии с критерием Калдора-Хикса, обратное движение тоже может быть улучшением. В этой связи он предложил более жесткий критерий: необходимо использовать критерий Калдора-Хикса, чтобы, во-первых, выяснить, повышает ли общественное благосостояние движение от первоначальной к новой точке; и, во-вторых, удостовериться, что обратное движение от новой точки к первоначальной также не ведет к улучшению.

Более широкий подход к определению условий, удовлетворяющих требованию социального оптимума, был впервые предложен А. Бергсоном в 1938 г. и развит П. Самуэльсоном. Ключевым понятием, связанным с этим подходом, является «общественная функция благосостояния». А. Бергсон предложил оценивать изменения в благосостоянии посредством «функции общественного благосостояния», т. е. системы общественных «кривых безразличия», ранжирующей различные комбинации индивидуальных полезностей в соответствии с системой ценностных суждений о распределении дохода. Функция общественного благосостояния позволяет сопоставлять различные состояния на уровне общества, подобно тому, как индивидуальная полезность позволяет сопоставлять наборы товаров на основе субъективных предпочтений.

Но все же экономическая теория благосостояния не сумела сформулировать бесспорные правила, позволяющие решать, какие результаты экономической политики желательны, а какие — нет, поскольку проблема эффективности оказалась неотделимой от проблемы справедливости. Поэтому критерием ценности той или иной государственной программы может быть сбалансированность ее влияния как на экономическую эффективность, так и на распределение доходов. Выбор между справедливостью и эффективностью находится в центре внимания дискуссий по поводу экономической политики. Чтобы получить большую справедливость, нужно пожертвовать какой-то частью эффективности. Всегда будут существовать расхождения во мнениях относительно степени уменьшения эффективности в сравнении с уменьшением неравенства. Данная проблема анализируется в работах Баумоля, Блауга, Аткинсона и Стиглица (Баумоль, 1965, 276 — 312; Блауг, 1994, 540 — 567; Аткинсон, Стиглиц, 1995, 451 — 494).

Необходимо также иметь в виду невозможность частичной теории благосостояния. Эта невозможность обосновывается теорией “second-best”. Р. Липси и К. Ланкастер доказали, что если существует по крайней мере два рынка, на которых условия оптимума не выполняются, то любое вмешательство государства, призванное устранить несовершенства на одном из этих двух рынков, не приближает к оптимальности по Парето. Если условия оптимума выполняются на всех, кроме одного или двух рынков, нельзя полагать, что условия оптимума будут выполняться на всех этих рынках. Некорректно рассуждать о достижении отраслевой эффективности по Парето, анализируя функционирование отдельного сектора экономики или отдельного рынка какого-то товара. «... вся теория благосостояния, которая имеет хоть какое-то отношение к реальному миру, волей-неволей имеет дело с неоптимальными решениями» (Блауг, 1994, 553 — 554).

Не имея выхода на решение прикладных задач (например, измерение эффективности производства общества в целом и тем более отдельной отрасли или отдельного предприятия), теория благосостояния имеет значение для обоснования преимуществ конкурентных рынков и ценового механизма как метода эффективного распределения ресурсов.

18.2.2. Нормативная теория государственного регулирования сельского хозяйства

Сельское хозяйство имеет некоторые особенности, определяющие, по мнению многих экономистов, необходимость его государственного регулирования с позиций экономической теории благосостояния (исходя из принципов эффективности и справедливости).

1. Сельскохозяйственное производство характеризуется наличием множества сельскохозяйственных предприятий, ни одно из которых практически не может воздействовать на цены производимой продукции. Последние в условиях рыночной экономики формируются в результате взаимодействия отраслевого спроса и предложения. В то же время рынки, на которых сельскохозяйственные товаропроизводители покупают

необходимые им ресурсы, обычно характеризуются определенной степенью монополизации и рыночной власти. Поэтому в условиях функционирования рыночных механизмов соотношение цен на сельскохозяйственную продукцию и цен на производственные ресурсы обычно изменяется не в пользу сельскохозяйственных товаропроизводителей (возникают так называемые “ножницы цен”). Данная проблема особенно остра в странах с трансформирующейся экономикой, и вызвано это длительным (в течение многих десятилетий) государственным регулированием цен. При этом соотношение цен на продукцию сельского хозяйства и промышленности в большинстве социалистических стран не соответствовало соотношению цен на мировых рынках (цены на сельскохозяйственную продукцию были относительно завышены). Переход к рыночному ценообразованию обусловил быстрое движение цен к их мировому уровню, а, соответственно, усиление диспаритета цен.

2. На основные виды сельскохозяйственной продукции спрос по цене неэластичен. Это в значительной мере определяет долгосрочную тенденцию доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей к понижению .

3. Природно-климатические условия, заражение растений вредителями, эпидемии болезней животных делают сельскохозяйственное производство слабо контролируемым и предсказуемым, т.е. объемы производства могут существенно колебаться из года в год, вызывая соответствующие колебания цен и доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей и затрудняя принятие ими эффективных решений по краткосрочным и среднесрочным инвестициям.

4. Для развитых стран характерна также неэластичность спроса на сельскохозяйственную продукцию по доходу. И если доля сельскохозяйственных работников в общем количестве занятых стабильна, то относительные доходы от сельскохозяйственной деятельности могут иметь тенденцию к понижению.

5. Для сельского хозяйства характерна относительно низкая мобильность труда и других ресурсов. Сельскохозяйственный труд довольно специфичен, и сельскохозяйственным товаропроизводителям не так просто переквалифицироваться. Отсюда иммобильность ресурсов, используемых в сельском хозяйстве.

Сочетание названных и некоторых других факторов порождает основные проблемы аграрного сектора в условиях рыночной экономики. Долгосрочная проблема заключается в относительном снижении доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей в сравнении с доходами *в других секторах экономики*. Это определено тремя основными причинами: неэластичностью спроса по цене на сельскохозяйственную продукцию; сдвигами, произошедшими в последние десятилетия в спросе и предложении сельскохозяйственной продукции; относительной иммобильностью трудовых и других ресурсов, задействованных в сельском хозяйстве.

Краткосрочная проблема проявляется в значительных годовых колебаниях цен на продукцию сельскохозяйственных товаропроизводителей, а значит, и их доходов, вследствие колебаний объемов предложения и (или) спроса.

С существованием краткосрочной проблемы экономисты и политики почти единодушно связывают *необходимость государственного вмешательства* в функционирование аграрного сектора экономики. Большинство из них согласно, что резкие колебания сельскохозяйственного предложения и, следовательно, цен и доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей вредны для производителей и экономики в целом. Ведь даже небольшие колебания предложения сельскохозяйственной продукции при неэластичном спросе на нее способны вызвать весьма значительные колебания цен. Это негативно воздействует как на производителей, так и на потребителей продовольственных товаров. Требуется внешняя сила, которая оберегала бы

производителей и потребителей от подобных колебаний цен, не влияя при этом на долгосрочную динамику последних. В качестве такой силы может выступить государство, осуществляя, например, товарные интервенции.

Сложнее с решением долгосрочной проблемы. Аргументы в пользу государственной поддержки доходов сельскохозяйственных производителей связаны не с факторами, определяющими неудачи рынка, а факторами, оправдывающими необходимость вмешательства государства в перераспределение доходов.

Кроме краткосрочной и долгосрочной проблем сельскохозяйственных товаропроизводителей, государственное вмешательство в функционирование аграрного сектора экономики связывается также с необходимостью устранения неудач рынка.

При выработке научных рекомендаций по государственному регулированию аграрного сектора экономики всегда необходимо учитывать, что рыночный процесс слишком сложен, чтобы им можно было эффективно управлять. Понимание этого позволяет сформулировать важнейший принцип экономической, соответственно, и аграрной политики: политико-экономическая деятельность государства должна быть направлена не на регулирование непосредственной экономической деятельности субъектов хозяйствования, а прежде всего на создание эффективной формы экономического порядка (конкурентного порядка) (Ойкен, 1995, 429).

Рыночные структуры минимизируют влияние политического процесса на экономику, но сами могут эффективно функционировать лишь в конституционных рамках, которые должны устанавливаться и поддерживаться политическим путем. Основные элементы, необходимые для создания конкурентного порядка, — разбросанная частная собственность и правовые гарантии соблюдения контрактов (Бьюкенен, 1990, 14).

В этой связи важнейшей проблемой современной аграрной политики в Республике Беларусь становится определение оптимального соотношения между государственной поддержкой программ реформ и программ стабилизации сельского хозяйства. В рамках программ реформ создаются основные элементы конкурентного рыночного порядка, акцент на программах стабилизации предполагает стабилизация невозможна без реального усиливающегося государственного контроля за распределением и использованием ресурсов. Но долговременная реформирования.

Действующая система государственного регулирования сельского хозяйства Республики Беларусь в связи со сделанным пока акцентом на программах стабилизации характеризуется значительной внутренней противоречивостью. Использование отдельных мер политики поддержки доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей способствует сохранению устаревших хозяйственных структур, препятствует реструктуризации производства, усугубляет макроэкономическую нестабильность и снижает отраслевую эффективность. Государство, в значительной степени ориентируя предприятия не на получение максимальной прибыли, а на рост объемов производства, создает предпосылки для неэффективного межотраслевого распределения ресурсов. Отсутствует всестороннее планирование бюджетного финансирования сельского хозяйства, не выделяются приоритетные направления расходов. Цены на сельскохозяйственную продукцию и сегодня в значительной степени искажены государственным вмешательством и отсутствием работающих рыночных институтов, что практически не создает экономических стимулов для принятия правильных решений по объемам производства, долгосрочным инвестициям и т.п.

Мероприятия по преобразованию экономики и созданию конкурентного порядка можно разделить на *активные и пассивные*, когда сочетаются организованные и самопроизвольные изменения системного

характера (Клаус, 1995, 12 — 15). Пассивные мероприятия (либерализация всех сфер экономической деятельности, сопровождающаяся ограничением уровня государственного вмешательства) являются весьма простыми и заключаются лишь в том, что государство отказывается от значительных полномочий и передает их рынку. Но их реализация почти всегда сопряжена со сложностями политического характера. В дальнейшем опасность состоит в постоянных попытках различных заинтересованных групп и лиц под новыми или подновленными лозунгами вернуться к регулированию микроэкономических процессов. Основные активные микроэкономические мероприятия — разгосударствление и приватизация, антимонопольное регулирование, изменения структуры и содержания работы о отраслевых министерств и др.

Наилучшим вариантом совершенствования микроэкономического регулирования сельского хозяйства в контексте создания рыночного порядка в аграрном секторе является прекращение не обусловленного рыночными механизмами (не связанного с неудачами рынка) вмешательства государства в распределение ресурсов, и особенно через воздействие на цены на сельскохозяйственную продукцию. Правительство должно сосредоточить внимание на институциональном оформлении рыночной экономики. При реализации данного варианта обеспечиваются быстрая структурная перестройка в экономике в целом, рост народнохозяйственной эффективности использования производственных ресурсов. Привлекателен данный вариант и в условиях ограниченности государственных средств для поддержки желательных для производителей сельскохозяйственной продукции программ.

Но, с другой стороны, продолжится спад производства сельскохозяйственной продукции, уменьшится самообеспеченность страны основными продуктами питания, банкротства сельскохозяйственных предприятий усилят социальную напряженность. Зарубежный опыт реализации данного варианта показывает, что ситуация в отрасли может стабилизироваться только через два-три года после начала реформ, при условии их последовательного и системного проведения. Не готовность политиков и значительной части населения к такому варианту делает активное государственное вмешательство в механизмы функционирования рынков сельскохозяйственной продукции объективно неизбежным, если оно возможно.

Возможность или невозможность такого вмешательства определена общей величиной бюджетных финансовых ресурсов. Признаваемые многими цели вмешательства — стабилизация цен на разумных уровнях для потребителей и производителей, как средство снижения нужды и неуверенности у населения и поощрения инвестиций и экономического роста в аграрном секторе; повышение уровня доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей; поддержка определенного уровня самообеспеченности сельскохозяйственной продукцией, особенно продовольствием и др.

Проблема в том, чтобы государственное вмешательство для достижения этих целей как можно меньше противоречило критерию эффективности, было ограниченным (не имело тенденции к расширенному воспроизводству), осуществлялось с использованием строго определенных инструментов. То есть речь идет о создании компромиссной концепции аграрной политики, которая будет иметь хоть какой-то шанс быть реализованной, но не перечеркнет основную идею движения к эффективной аграрной экономике.

При этом в первую очередь необходимо обратить внимание на реализацию программ, которые не противоречат принципам развития рыночной системы, содействуют становлению конкурентного порядка, корректируют некоторые неудачи рынка, но и одновременно способствуют стабилизации доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей. Сюда можно отнести программы реформирования сельскохозяйственных предприятий; научных исследований; внедрения передового опыта; охраны

окружающей среды; программы, обеспечивающие безопасность продовольствия, а также защиту растений и животных; программы по маркетинговым исследованиям и распространению маркетинговой информации.

ЛИТЕРАТУРА

- Аткинсон Э., Стиглиц Дж. Лекции по экономической теории государственного сектора М., 1995.
- Баумоль У. Экономическая теория и исследование операций. М., 1965.
- Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
- Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики // *Вопр. экономики*. 1994. № 6.
- Бьюкенен Дж. Минимальная политика рыночной системы // *Вопр. экономики*. 1990. № 12.
- Клаус В. Экономическая теория и реальность трансформационных подходов//*Проблемы теории и практики управления*. 1995. № 6.
- Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М., 1995.
- Alston L., Carter C. Causes and Consequences of farm policy // *Contemporary Policy Issues*. 1991. Vol. 9.
- Anderson K., Hayami Y. The political economy of agricultural protection. London, 1986.
- Balisacan A., Roumasset J. Public choice of economic policy: the growth of agricultural protection. *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1987. Vol. 123.
- Batie S., Schweikhardt D. Demosclerosis: implications for environmental and agricultural policy analysis // *American Journal of Agricultural Economics*. 1995. Vol. 77.
- Becker G. A theory of competition among pressure groups for political influence // *Quarterly Journal of Economics*. 1983. Vol. XCVIII.
- Becker G. Public policies, pressure groups, and dead weight costs // *Journal of Public Economics*. 1985. Vol. 28.
- Breton A. The Economic Theory of Representative Government. London, 1974.
- Brooks J. Agricultural policies in OECD countries: what can we learn from political economy models? // *Journal of Agricultural Economics*. 1996. Vol. 47.
- Browne W., Schweikhardt D. Demosclerosis: implications for agricultural policy // *American Journal of Agricultural Economics*. 1995. Vol. 77.
- Buchanan J., Tullock G. The Calculus of Consent. Michigan, 1962.
- Bullock D. Objectives and constraints of government policies: the countercyclicity of transfers to agriculture // *American Journal of Agricultural Economics*. 1992. Vol. 74.
- Carter C., Faminow M., Lyons R., Peters E. Causes of intervention in Canadian agriculture // *Canadian Journal of Agricultural Economics*. 1990. Vol. 38.
- Coughlin P., Mueller D., Murrell P. Electoral politics, interest groups, and the size of government // *Economic Inquire*. 1989. Vol. 28.
- Downs A. An Economic Theory of Democracy. New York, 1957.
- De Gorter H., Tsur Y. Explaining price policy bias in agriculture: The calculus of support-maximizing politicians // *American Journal of agricultural economics*. 1991. Vol. 73.
- De Gorter H., Tsur Y. Explaining price policy bias in agriculture: The calculus of support-maximizing politicians // *American Journal of Agricultural Economics*. 1991. Vol. 73.
- Gardner B. Causes of US farm commodity programs // *Journal of Political Economy* 1987. Vol. 95.
- Gardner B. Economic theory farm politics // *American Journal of Agricultural Economics*. 1989. Vol. 71.

- Hillman A., Ursprung H. Domestic politics, foreign interests and international trade policy //American Economic Review. 1988. Vol. 78.
- Honma M., Hayami Y. Structure of agricultural protection in industrial countries //Journal of International Economics. 1986. Vol. 20.
- Johnson R. The national interest, Westminster, and public choice //Australian Journal of Agricultural Economics. 1994. № 8.
- Krueger A. The political economy of the rent-seeking society //American Economic Review. 1974. Vol. 64.
- Lee D. The political economy of agricultural policy: Discussion //American Journal of Agricultural Economics. 1989. Vol. 71.
- MacLaren D. The political economy of agricultural policy reform in the European Community and Australia. 1992. Vol. 44.
- Messerlin P. Bureaucracies and the political economy of protection: reflections of a continental European. World Bank Staff Working Paper No 568. Washington, 1983.
- Miller T. Agricultural Price policies and political interest group competition // Journal of Policy Modeling. 1991. Vol. 13.
- Moyer H., Josling T. Agricultural Policy Reform: Policy and Process in the EC and the USA. New York, 1990.
- Niskanen W. Bureaucracy and Representative Government. Chicago, 1971.
- Olson M. Space, agriculture, and organization//American Journal of Agricultural Economics. 1985. Vol. 67.
- Olson M. The exploitation and subsidization of agriculture: There is an explanation // Choices. 1990. 4th Quarter.
- Olson M. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Massachusetts, 1965.
- Paarlberg R. The political economy of American agricultural policy: Three approaches//American Journal of Agricultural Economics. 1989. Vol. 71.
- Peltzman S. Toward a more general theory of regulation//Journal of Law and Economics. 1976. Vol. 19.
- Posner P. Theories of economic regulation // Bell Journal of Economics and Management Science. 1974. Vol. 5.
- Potters J., Winder F. Modelling political pressure as transmission of information//European Journal of Political Economics. 1990. Vol. 6.
- Stigler G. The theory of economic regulation //Bell Journal of Economics and Management Science. 1971. Vol. 2.
- Swinner J. A positive theory of agricultural protection //American Journal of Agricultural Economics. 1994. Vol. 76.
- Swinner J., Van der Zee F. The political economy of agricultural policies: A survey // European Review of Agricultural Economics. 1993. Vol. 20.
- Winters L. The political economy of the agricultural policy of industrial countries // European Review of Agricultural Economics. 1987. Vol. 14.